

Общая газ. - 1995 - 14 дек. - с. 11.

О Л И М П

Галине Вишневской в Большом хорошо

— Вот вы и снова, Галина Павловна, работаете в Большом театре.

— Ну как я работаю? Просто консультирую певцов в опере «Хованщина», которой дирижирует Мстислав Ростропович. Он же и художественный руководитель постановки.

— Это первый спектакль Большого театра, который родился на ваших глазах?

— Да. Первый. Но я уже работала с Ростроповичем как режиссер оперы «Царская невеста» в Риме, Монте-Карло и Вашингтоне.

— Что скажете о новом поколении вокалистов Большого театра?

— Большой, как известно, переживает сейчас творческий кризис. И тому масса причин. Главная — экономические трудности, которые заставляют певцов уезжать. Все разбеглось по белу свету, меняют Большой на залы не такие, скажем прямо, уж и хорошие, поют в маленьких театрах. Но вынуждены это делать. Надо выживать. Я не знаю, конечно, всю труппу Большого. В ней, как мне сказали, 130 певцов. Понятно, что все они не могут быть превосходными. И, кстати, не может оперная труппа быть такой огромной. Максимум половина, а то и меньше. Я слушала «Фауста», «Иоланту», «Князя Игоря» и, к сожалению, должна заметить, что уровень исполнения очень средний. Ростропович вынужден был пригласить солистов из Санкт-Петербурга. Марфу поет Лариса Дядькова, Ивана Хованского — Владимир Огновенко. Оба истинные профессионалы, вокалисты высокой культуры. Их взяли на контракт. Большой театр должен перейти на контрактную систему. Иначе и быть не может.

— Знаю, что и художника-постановщика тоже пригласили из Санкт-Петербурга.

— Да, это так. Теймураз Мурванидзе рассказывал, что увидел очень ранний эскиз Федоровского к «Хованщине», который и навеял ему художественное решение нынешней постановки. Картины оперы, разыгрываемые на фоне декораций, — эпические полотна сродни Сурикову и Репину.

— И в самом деле, на сцене разворачивается настоящая народная драма.

— Такого спектакля — по монументальности, по масштабу, по драматическому звучанию — я нигде в мире не видела. Его даже не с чем сравнивать. В пятидесятый год «Хованщина» была поставлена в Большом Леонидом Баратовым, но ее давно нет в репертуаре. А она — наша жемчужина. Думаю, в оркестровке Дмитрия Дмитриевича Шостаковича «Хованщина» — это главная русская опера. Мы всегда считали такой «Бориса Годунова». Сегодня я бы сказала, что на первом месте — «Хованщина» и «Борис Годунов». Мусоргский не слышал свою «Хованщину» на сцене, он не успел

даже ее закончить. Оперу оркестровал сначала Римский-Корсаков, а в наше время — Шостакович. Надо сказать, что Дмитрий Дмитриевич «вошел» в «Хованщину» так, как это, наверное, сделал бы и сам Моцарт Петрович. Его оркестровка подняла трагедию на невероятную высоту.

— В спектакле удивительно звучат и оркестр, и хоры.

— Оркестранты работают с таким энтузиазмом, что это вызывает восхищение. Большой всегда отличался первоклассным оркестром и хором. Даже в последние четверть века, когда театр разваливался, они не утратили своего мастерства. А если работают еще с таким дирижером, как Ростропович, и таким режиссером, как Покровский, то и получается великолепный результат.

— На репетициях я наблюдала, как Борис Александрович Покровский почти с юношеским задором проводил их.

— Я месяц не выходила из зала, знаю все детали наизусть, но каждый раз Борис Александрович придумывает что-то новое. Может быть, это самая лучшая работа Покровского. В ней — весь его колоссальный опыт режиссера. Ему 83 года. А какая ясная голова, какой невероятный темперамент! В спектакле занято почти двести человек, и каждого он видит и слышит.

— Поражает, как актуальна «Хованщина».

— Верно. Либретто написал сам Мусоргский, а кажется, будто текст написан сегодня. Народ обращается: «Господи, спаси нашу Русь!», «Нет тебе матушка-Россия, покой!» Или — «Дай избранныка, чтобы спас Русь-матушку, нашу Русь!»... А когда спорят князя — Голицына, Хованский и Досифей — так это Государственная Дума... Каждый тянет на свою сторону. Нет согласия. Одни крайности. Если что не так — так всем надо идти на костер, всем гореть. И все истово... Мы либо любим истово, либо ненавидим также истово. И никак не можем сделать так, чтобы у народа была вера и он сошелся бы вместе. Тяжелые страсти. «Хованщина», на мой взгляд, и взывает к нашему согласию.

— Хотелось бы надеяться, что кого-то опера заставит призадуматься и в этом плане.

— Хотелось бы. Наконец-то в Большом будет идти настоящая русская опера. «Борис Годунов» идет крайне редко, в репертуаре нет «Войны и мира», «Садко»... Вдруг вижу афишу, где объявлена «Лючия ди Ламмермур» в концертном исполнении. Но кому она нужна в таком виде в стенах Большого? Идут какие-то мелкие оперы на итальянском языке. Но, на мой взгляд, это оскорбление публики. Она пришла в театр слушать русских певцов, а не гастролеров, однако не понимает их. Считаю, что вокалисты тем самым унижают публику. При советской власти ее не учили иностран-

ным языкам. Причем певцы сами часто не понимают того, что поют, поскольку только заучивают текст. Должна сказать, что вижу, какой вред принесло подобное пение нашим голосам. Исполняя оперы на языке, который недостаточно хорошо знают, певцы поют приблизительный смысл фразы, набор слов, да просто пробалтывают текст. И тем самым разучиваются выразительно петь на родном языке. В таких случаях я говорю певцам: прочтите по тексту, поставьте, где надо запятую, а где надо — точку, сделайте ударение на главном слове в фразе. Иначе все просто режет слух...

— Какие у вас планы после «Хованщины»?

— Меня ждет работа во Франции. Композитор Марсель Ландовский написал оперу по моей книге «Галина» под тем же названием. Он сочинял ее три года и сам сделал либретто. Премьера состоится в Лионе в марте будущего года, а еще через год и на сцене парижской Гранд-опера. Ландовский раньше написал для нас со Славой двадцатиминутные сочинения для камерного оркестра, виолончели и голоса — «Ребенок зовет» и «В тюрьме».

— Кто будет петь главную партию?

— Две певицы — американка и немка. Буду помогать им делать партию. Я привезла клавир в Москву, отдала профессионалам, чтобы сделали подстрочник, перевели и поставили на ноты на русском языке.

— Чего бы вы хотели?

— Хорошей жизни для всех. В жизни всякое случается. Что-то постоянно происходит, из-за всего волнуешься... Так хочется, чтобы было спокойно. Чтобы семья была в порядке.

— Вас можно поздравить с прибавлением семейства?

— Можно. Дочка Ольга подарила нам еще одного внука. Ему семь месяцев и зовут его Мстислав, как дед. У нас теперь шесть внуков...

— Какое ощущение от Москвы?

— Она невероятно меняется, хорошеет. Я приезжаю сюда каждые три-четыре или пять месяцев. И вижу, как все восстанавливается, а рухлядь убирается. Появляются отставленные прекрасные особняки прошлого. На Старом Арбате удивляют новизной церквушки, которых как будто раньше не было. Видимо, они стояли без своих луковок, снесенных в свое время, а теперь их возродили и видишь их во всей красе.

— Наверное, поэтому и «Хованщина» заканчивается рассветом.

— Да, рассвет — это надежда. Сгорел скит, погибли люди. Остались петровцы. Они победили. Казалось, снова разруха. Но рассвет дает народу силы жить.

Беседовала
Лидия НОВИКОВА